

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Марии Анатольевны Кожевниковой
«Художественный мультилингвизм
в языке писателя-эмигранта Б. Хазанова»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 - Русский язык

Хотя использование мультилингвизма (многоязычия) как художественного приёма имеет давнюю традицию, в том числе и в русской литературе, и не раз становилось предметом научного анализа, тем не менее эта особенность языка художественной литературы остаётся пусть в известном смысле периферийной, но при всём том весьма любопытной и своеобразной: далеко не всеми писателями она используется, но в творчестве тех, кто к такому использованию почему-либо прибегает, несомненно, требует дальнейшего исследования как с точки зрения причин обращения писателя к многоязычному материалу, так и с точки зрения типологии и функций данного приёма. Таким образом, выбор темы рецензируемой диссертации представляется вполне оправданным.

Что касается выбора материала, то исследование подобного рода, конечно же, требует привлечения таких текстов, которые содержат достаточное количество иноязычных элементов различных типов и функций. Естественно поэтому обращение соискательницы к творчеству русскоязычного писателя, эмигрировавшего из Советского Союза в Австрию и затем в Германию: ведь известно, что Центральная и Западная Европа – это зона наиболее активного и живого взаимодействия самых разных национальных культур и как следствие – самых разных языков, а это не может не сказаться на литературно-художественной практике писателя, оказавшегося в подобной среде.

Об объёме изученного в диссертации языкового материала свидетельствует хотя бы приведённый в приложении к работе перечень иноязычных вкраплений в графико-орфографическом облике языка-источника: только лишь таких вкраплений – около трёхсот, в том числе более ста – на немецком, более семидесяти – на французском, более сорока – на латинском, более двадцати – на английском, около двух десятков – на итальянском, плюс единичные вкрапления на греческом, испанском, польском, румынском и даже одно – на иврите. Но кроме вкраплений, даваемых писателем в оригинальном графико-орфографическом облике, в

диссертации проанализированы и другие разряды иноязычий: экзотизмы, варваризмы (автор разграничивает эти понятия, см. с. 22 – 23), историзмы (иноязычные названия устаревших реалий), термины (в основном медицинские и биологические), ономастические единицы, окказионализмы, образованные на базе иноязычных слов (включая авторские кальки) – словом, все иноязычные элементы, кроме прочно освоенных заимствований, вошедших в активный словарный запас современного русского литературного языка.

При этом сразу же стоит отметить, что не только в первой, обзорно-реферативной главе, но и на протяжении всего исследования диссидентка очень внимательно подходит к содержанию используемых при анализе материала терминов, в каких-то случаях обоснованно присоединяясь в их трактовке к тому или иному из предшествующих авторов, в каких-то предлагая собственное понимание. Это, несомненно, повышает теоретическую значимость работы – наряду со значительным объёмом текстового материала, подвергшегося анализу.

Правда, надо сказать, что хотя несколько книг Б. Хазанова в 1990-х – 2010-х годах вышли в России, но они отсутствуют даже в крупных библиотеках, так что писатель этот в нашей стране известен мало. И диссидентке, кроме печатных изданий его текстов, пришлось частично привлечь интернет-ресурсы. И всё же думается, что это не может служить основанием для упрёка автору в части выбора материала.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

Во введении (с. 4 – 11) оценивается степень научной разработанности проблемы, обосновываются выбор этой темы для дальнейшего исследования, а также выбор материала, цель, методы, практическая и теоретическая значимость исследования, приводятся основные положения, выносимые на защиту, и сведения об апробации основных результатов работы.

1-я глава диссертации (с. 12 – 47) посвящена теоретическим основам исследования художественного мультилингвизма, как они представлены в лингвистической традиции.

Поскольку избранная тема, вообще говоря, никогда не была в центре исследовательского внимания лингвистов, важно учесть по возможности все предшествующие работы, ей посвящённые. И с этой задачей диссидентка справляется. В 1-й главе внимательно проанализированы работы лингвистов XX – XXI вв., посвящённые данной проблематике, в частности, многоязычию как компоненту художественного мультилингвизма, функционированию

(«прагматике») этого элемента в художественной ткани произведения, в целом художественной значимости иноязычных элементов.

Специально рассмотрен вопрос об изучении многоязычия в художественной литературе на русском языке. Как уже отмечено, особое внимание уделяется при этом терминологии имеющихся исследований, но тщательно рассмотрены и другие аспекты состояния проблемы в лингвистической литературе XX – XXI столетий.

Центральной в диссертации является **2-я глава** – «Функциональные особенности иноязычия как составляющей мультилингвизма в художественном творчестве Б. Хазанова» (с. 48 – 144).

Исходя из сформулированных в первой главе теоретических предпосылок, исследовательница анализирует конкретный материал произведений Б. Хазанова.

Выявляются такие функции иноязычий в проанализированном материале, как номинативная (когда за счёт иноязычий создаётся местный или временной колорит), функция характеристики персонажа (особенностей его происхождения, прежде всего национального, но также и социального, степень владения языками и в связи с этим индивидуальная специфика словоупотребления), эмоционально-оценочная (выражение «отношения адресанта к предмету сообщения или адресату речи», с.51), прогностическая (когда заголовок произведения или эпиграф помогают читателю прогнозировать его основную идею), функция языковой игры (когда автор, как сказано на с. 50, «реализует свою речевую раскованность»), эвфемистическая (вуалирование определённых русских наименований в области анатомии и физиологии, слывущих неприличными), функция авторского самовыражения (один из способов представления читателю языковой картины мира автора).

Все эти функции проанализированы автором рецензируемой работы чётко, вдумчиво и на достаточно доказательном текстовом материале, с регулярным и представительным цитированием соответствующих фрагментов художественного текста.

Далее в той же 2-й главе анализируются способы введения иноязычия в текст. Рассмотрение этого аспекта начинается с анализа графико-орфографического оформления иноязычной единицы или конструкции.

Диссидентка отмечает, что к оригинальной графике писатель прибегает в случаях необходимости привести цитату из классических произведений мировой литературы или крылатое выражение, или же если намерен почему-либо сосредоточить внимание читателя на иноязычном экзотизме или термине (при котором обычно даётся и его перевод). Пожалуй,

стоило бы отметить и ещё одну причину оригинального графико-орфографического оформления – ориентацию на оригинальное произношение слова или выражения: ведь, например, написание «*Spiegel*» ориентирует на произношение [ʃpí:gəl], а не [ʃp'íg'il'], как может быть прочитано русское написание «Шпигель».

Рассматривая далее транслитерационный и транскрипционный способы передачи иноязычных элементов, докторантка отмечает, что так передаются большей частью историзмы и ономастические лексемы.

Прибегает писатель и к совмещению русской и латинской графики (в частности для включения иноязычного слова в русскую парадигму с помощью написания по-русски суффиксов и окончаний при оригинальном написании корня латиницей).

Об одной детали передачи заимствований из иврита. На с. 60 докторантка замечает, что эти заимствования передаются в русском графическом оформлении, и связывает это с приоритетным характером русского языка для писателя. Далее (на с. 201) приводится однозначное слово в графике иврита, да и то это короткое (однословное) название религиозной книги. Думается, дело тут не в приоритетности русского языка, а в самой графике иврита: во-первых, она мало известна русскому читателю, во-вторых, из-за консонантного типа письма не поддаётся «озвучиванию», если человек не знает языка. (Чтобы «озвучить», например, немецкое написание *Schuh*, необходимо понимать значение этого слова – достаточно знать, что в немецкой графике *sch* = [ʃ], а *h* обозначает долготу гласной фонемы, когда же на письме обозначаются только согласные, как это имеет место в иврите, то «озвучивание» незнакомых слов оказывается невозможным). Наконец, в иврите, как и в арабском, направление письма – справа налево, и если мы читаем справа налево арабские цифры, то ведь цифирь – всё-таки специфический и строго ограниченный вид графики, а в основном мы читаем слова слева направо. Словом, причина русской передачи заимствований из иврита представляется чисто графической.

Докторантка рассматривает также и способы графического выделения иноязычий – такие, как кавычки, курсив, написание заглавными буквами («капитализация»).

Анализируются, далее, морфологические способы введения иноязычия в русскоязычный текст (например, согласование с иностранным словом русских зависимых слов, имеющих иные, нежели в иностранном слове, морфологические категории, и т. п.).

Рассматривается также калькирование с его разновидностями и приёмами его художественное использование.

Последний раздел этой главы содержит описание условий, предпосылок и эволюции художественного мультилингвизма у Б. Хазанова с привлечением статистических данных. Этот раздел иллюстрируется большим количеством диаграмм и схем.

Заключение диссертации (с. 146 – 152) содержит лаконично, но чётко сформулированные основные итоги проделанной работы, конечные выводы исследовательницы.

Исследование материала проведено автором диссертации вполне квалифицированно и с большой тщательностью, выводы в подавляющем большинстве случаев убедительны и базируются на достаточном фактическом материале.

Несколько критических замечаний.

Анализируя исторические изменения в уровне активности заимствований из иностранных языков на русской почве, диссидентка связывает сокращение количества таких заимствований в послереволюционные годы с борьбой против низкопоклонства перед западом. Между тем эта борьба, да и сама формулировка «низкопоклонство перед западом», – это факт второй половины 40-х годов (именно с этой борьбой связан, очевидно, и арест Б. Хазанова в 1949 г.). В первые же послереволюционные годы стремление как можно меньше употреблять иностранные слова было обусловлено малообразованностью рабоче-крестьянского читателя – малообразованностью, доставшейся новой власти в наследие от царской России. Именно на это указывал В. И. Ленин, говоря, что неумеренное употребление иностранных слов «затрудняет наше влияние на массу» (Ленин В. И. Об очистке русского языка. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 274). И именно с этим обстоятельством, а не с борьбой против «низкопоклонства» связано и цитируемое диссиденткой стихотворение В. Маяковского «О фиасках, апогеях и других неведомых вещах».

Далее, неясно, почему тот факт, что религия является для Б. Хазанова неотъемлемой частью культуры, диссидентка связывает с еврейским происхождением писателя (с. 100). Религия может по-разному оцениваться, играть разную роль на том или ином этапе истории того или иного народа, но невозможно отрицать, что для любого народа это неотъемлемая часть культуры (даже и в условиях борьбы за атеизм, характерной для советской эпохи).

О соотношении научной и языковой картины мира. Вопрос, конечно, сложный, но думается, что корень отличия языковой картины мира от

научной лежит не в «наивности» языковой картины (см. с. 102), а в её антропоцентризме. Мы давно знаем из астрономии, что утренний рассвет и вечерние сумерки связаны с суточным вращением Земли, но по-прежнему говорим «Солнце всходит и заходит», потому что такой представляется картина рассвета и угасания дня земному наблюдателю, независимо от степени его научно-астрономических познаний.

Не совсем удачной кажется композиция текста диссертации: 1-я глава занимает всего 35 страниц, а 2-я – около 100. Вероятно, эту главу стоило бы разделить на две или даже на три части.

Эти замечания носят частный характер и не умаляют отмеченных достоинств работы.

Библиографический список научной литературы включает 183 названия на русском и немецком языках (с. 153 – 168). Приводятся также список русских художественных текстов, так или иначе отражённых в исследовании (с. 169 – 170), и указатель источников исследования – произведений Б. Хазанова (с. 170 – 171).

Приведён указатель иллюстративного материала (диаграмм, отражающих количественные различия употребления тех или иных типов иноязычий), что, конечно, обеспечивает известное удобство для читателя (с. 172).

К работе приложена также биографическая справка о Б. Хазанове (с. 173 – 174), что представляется необходимым при отмеченной уже недостаточной известности писателя в России.

Приведён, как уже сказано, список использованных Б. Хазановым иноязычий в их оригинальной графике (с. 175 – 201).

Работа М. А. Кожевниковой апробирована на 10 научных конференциях, в том числе на 6 международных.

По теме имеются необходимые публикации, отражающие основные результаты исследования.

Подводя итог, необходимо признать, что рецензируемая диссертация М. А. Кожевниковой имеет несомненное теоретическое значение для исследования текстового взаимодействия русского языка с другими языками вообще и в сфере художественного текста в особенности. В работе впервые проведён исчерпывающий анализ типов и функций многоязычия в художественном творчестве интересного и плодовитого писателя, а это даёт определённое представление о тенденциях русского литературного языка, и притом, как думается, не только в литературе эмиграции.

Диссертация, несомненно, имеет также и практическое значение для преподавания лексики, стилистики и теории художественного текста

студентам филологических факультетов, изучающим русский язык и русскую литературу.

Считаю, что исследование М. А. Кожевниковой отвечает всем требованиям к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, сформулированным в п. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык.

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков,
почётный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского»

Борис Иванович Осипов

13 октября 2016 г.

644077; г. Омск,
пр. Мира, д. 55а
kafedra101@rambler.ru
+7(3812) 26 84 22

